

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-225-233  
УДК 821.161.1

## ЭТНОНИМ «ТАТАРИН» В ПОЭТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

© Ильдар Юнусов

### ETHNONYM “A TATAR” IN LEO TOLSTOY’S POETICS

Ildar Yunusov

The images of the Tatars are not represented in the early works of Leo Tolstoy, although the trilogy “Childhood”, “Adolescence”, “Youth” is largely based on the impressions of the writer’s life in Kazan. In “War and Peace”, there is an episodic figure of a wounded Tatar-Cossack, which is not ethnically clearly identified. It is in the process of working on “Anna Karenina” that Leo Tolstoy’s “turning point” ripens and the images of the Tatars, significant for the writer’s poetics, appear. In Leo Tolstoy’s late work, the ethnonym “a Tatar” turns out to be one of its key elements. This is exactly what this article focuses on.

The relevance of the research is determined by the modern problems of the dialogue among cultures, Russian-Tatar imagology and literary ways of comprehending the “foe”. The purpose of the article is to identify the features of the ethnonym “a Tatar” usage in Leo Tolstoy’s poetics. The methodological basis of the research is the synthesis of traditional approaches that have withstood the test of time (historical-literary, system-typological, comparative-historical) and the involvement of relatively new research practices (the opposition of “friend – foe” within the framework of mythopoetics, imagology and postcolonial theories). The methodological principles of these areas are used depending on the specific material and the set tasks. Given, that many of Leo Tolstoy’s late works have a complicated chronology of writing and publication, the structure of this article is determined by the logic of the analysis.

The study reveals a deep connection of the ethnonym “a Tatar” with Leo Tolstoy’s poetics and searches.

*Keywords:* Leo Tolstoy, Tatar, ethnonym, image, poetics.

Образы татар отсутствуют в творчестве раннего Л. Н. Толстого, хотя трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» во многом написана по впечатлениям казанского периода жизни русского писателя. В «Войне и мире» присутствует этнически не четко идентифицированная эпизодическая фигура раненого татарина-казака. И только в романе «Анна Каренина», в процессе работы над которым, как известно, вызревал толстовский духовный «перелом», появляются значимые для поэтики писателя образы татар. А уже в творчестве позднего Л. Н. Толстого этноним «татарин» оказывается одним из ключевых ее элементов. Именно этому и посвящена данная статья.

Актуальность настоящего исследования обусловлена проблематикой диалога культур, русско-татарской имагологии, литературоведческих путей постижения «чужого». Цель статьи – выявить особенности использования этнонима «татарин» в поэтике Л. Н. Толстого. Методологическую основу исследования составляет синтез традиционных, выдержавших испытание временем подходов (историко-литературный, системно-типологический, сравнительно-исторический) с привлечением относительно новых исследовательских практик (оппозиция «свой – чужой» в рамках мифопоэтики, имагологии, постколониальных теорий). Методологические принципы перечисленных направлений используются в зависимости от конкретного материала и поставленных задач. Учитывая, что многие произведения позднего Л. Н. Толстого имеют сложную хронологию написания и публикации, структура статьи определялась логикой анализа.

В результате исследования выявляется глубокая связь этнонима «татарин» с поэтикой и исканиями Л. Н. Толстого.

*Ключевые слова:* Л. Н. Толстой, татарин, этноним, образ, поэтика.

Л. Н. Толстого традиционно воспринимают как писателя, который в своем творчестве наиболее благожелательно относился к чужим этносам и культурам. Об этом свидетельствуют не только такие произведения, как «Хаджи-Мурат», «Кав-

казский пленник», «Много ли человеку земли нужно», «За что?», но и собственные признания Л. Н. Толстого и его близких. Вспомним его запись в дневнике, что в душе любого «дикаря» заключено огромное содержание; вспомним также

высказывание С. А. Берс о том, что ее супруг «... не только грузин, но и зулусов любит» [Накашидзе, с. 24]. Неслучайно, например, в дореволюционной Казани в среде татарских интеллектуалов писательская фигура Л. Н. Толстого стояла особняком, возвышалась над всеми остальными русскими художниками слова [Бекметов, 2017]. И одна из главных причин заключалась в его комплементарном отношении к малым народам, к восточной культуре в целом.

Однако отношение Л. Н. Толстого к другим народам и культурам носило не столь однозначный характер. Иначе писателя давно возвели бы в ранг святого. Вспомним признание Л. Н. Толстого, что в первые дни польского восстания 1863 года он сам хотел принять участие в подавлении польского освободительного движения. Правда, этот свой «постыдный» порыв он затем компенсировал рассказом «За что?» с положительными польскими героями, борющимися за независимость своего народа.

Для Л. Н. Толстого важно, что при имеющейся предвзятости по отношению к кому-либо нужно уметь это «нехорошее» чувство преодолевать. Писатель утверждал, что если ты без всякой причины испытываешь неприязнь к какому-то человеку, то в этом виноват ты сам, что-то плохое сидит в тебе. И этот же принцип Л. Н. Толстой распространял и на отношение к другим народам и культурам. Более того, он призывал любить народы, которые находятся во враждебных отношениях с твоим народом. Сам он и в своей жизни, и в своем творчестве стремился к этому.

Вполне возможно, что у Л. Н. Толстого были определенные предубеждения и по отношению к татарам. Весьма показательна запись в дневнике от 28 февраля 1890 года: «Во сне видел, что говорю с священником о пьянстве, о терпимости и о чем-то еще, что забыл. О терпимости: не презирать ни жида, ни татарина, любить» [Толстой, т. 51, с. 23]. Данная запись порождает два вопроса. Во-первых, от чьего имени говорит Л. Н. Толстой: от своего или в целом от имени русского народа? Во-вторых, под татарами подразумеваются здесь казанские татары или все тюркомусульманские народы России? Вряд ли можно однозначно ответить на эти вопросы.

Очевидно, что в рамках толстовской парадигмы наличие предрассудков о «других» естественно для человеческой природы на данном этапе развития, но каждый порядочный человек, думающий о своей душе, должен с этим бороться. Показательна следующая рекомендация Л. Н. Толстого в «Круге чтения»: «Какая бы ни была твоя религия, общайся с людьми других верований. Если речи их не возмущают тебя, и ты

можешь свободно общаться с ними, ты достиг мира» [Толстой, т. 41, с. 424].

И на русский народ, и на Л. Н. Толстого как одного их ярчайших представителей этого народа оказывала несомненное воздействие многовековая история сложных отношений с татарами, что нашло свое выражение в фольклоре, в многочисленных пословицах и поговорках, исторических песнях, былинах. Как известно, фольклор более искренен в своих симпатиях и антипатиях, нежели официальная культура. Так, И. П. Смирнов подчеркивает: «В тех обстоятельствах, когда русские князья и православные церковные иерархи были вынуждены отправляться в Орду, дабы легитимировать их светскую / сакральную власть, когда в литургию был включен молебен за здоровье татарского хана (царя), когда проповедники (Серапион Владимирский) призывали прихожан учиться у иноплеменников, когда местные властители (Александр Невский) подавляли народное восстание против чужеродных сборщиков дани, когда темой воинских повестей стала гибель национальных героев, когда летописи толковали апокалиптические пророчества как сбывшиеся в настоящем, на Руси активизировалась запасная низовая культура, которая стремилась предотвратить потерю этнической идентичности, угрожавшую культуре верхушечной» [Смирнов, с. 171].

В фольклоре этноним «татарин» сам по себе, без всякого эпитета, уже имел негативную коннотацию, а сила традиции была такова, что еще и в литературе XIX века он нередко использовался как ругательное слово.

Приведем наиболее красноречивые свидетельства – пословицы и поговорки русского народа: «*Постой, татарин, дай саблю выхватить*», «*И сила есть, да воли нет. Неволей только татары берут*», «*Это суцая татарщина*», «*Не вовремя гость хуже татарина*», «*Лучше бы у собаки татарина жена померла, чем у меня*», «*Татарин – свиное ухо. Бритая плешь*», «*Ешь медведь татарина – оба ненадобны*», «*Нет проку в татарских очах*», «*Сидит, как курица на яйцах. Сидячего татары берут*», «*Бей сполох, татарин идет*», «*Не пожелаю и злому татарину*», «*Злее злого татарина*», «*Злее зла татарская честь*» [Пословицы].

В исторических песнях этноним «татарин» также используется преимущественно в негативном контексте. Одна из ключевых особенностей данного жанра состоит не в фиксации реальных фактов, а в выражении народной рецепции и понимания тех или иных исторических сюжетов [Путилов, с. 8]. Частые набеги, пожары, разорение, увод в плен, унижительный ясак – все это в

конечном счете предопределило русскую рецепцию татарского мира и татар в этот период. Лексема «татарин», сама по себе имеющая в русских исторических песнях негативную коннотацию, в своих, порой немислимых, видоизменениях приобретает дополнительную степень неприятия: «злы татарове» [Там же, с. 55], «злы татарченки» [Там же, с. 55], «злой татарянин» [Там же, с. 72], «злой татарчанин» [Там же, с. 72], «злой татарина» [Там же, с. 74], «злы татаре» [Там же, с. 74], «татарушки» [Там же, с. 93], «татаринок» [Там же, с. 93], «злые татарушки» [Там же, с. 97], «злы татарииши» [Там же, с. 100], «злы татарченны» [Там же, с. 109], [Юнусов, 2002, с. 5–11].

Несколько иную ситуацию видим в официальной, письменной литературе. Хотя «самой больной и повседневной темой были ордынцы, или „татары“, как называли их во множестве произведений древнерусской литературы – от повестей XIII в. о татарском нашествии до повестей XIV в. о Куликовской битве и сказаний XV в. о падении татаро-монгольского ига» [Демин, с. 191], татары и татарский мир изображались амбивалентно. С одной стороны, подчеркивалась их жестокость; с другой – присутствовал даже элемент восхищения от их богатства, воинской выучки и доблести. Так, автор «Казанской истории» вначале описывает жестокость татар по отношению к русским пленным: «Ужем за шею оцепляху, и скакати и плясати веляще им... А старым коим очи избодаху, и уши, и уста, и нос обрезаше, и зубы искореневаху... яко скот, овех толпами, перевязанных, держаще на торгу, продаваху иноземцам поганым» [Казанская история, с. 76–77]. А затем восхищается мужеством татарских воинов: «И не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокуплешеся востанут и подвигнутся на них... Крепле же града сами бяху, умение велико имуще ратоватися во бранех и непобеждены бываху ни от кого же, и мало таких людей мужественных злых во вселенной обретается» [Там же, с. 128], «но и умирающе, грозяху» [Там же, с. 146].

И вот такого рода благожелательные упоминания о татарах и татарском мире в древнерусской литературе не единичны: в позитивных красках описываются татарские дворы, шатры, военная тактика, ремесленное искусство и т. д. В фольклоре же подобное представить сложно, хотя и есть исключения вроде пословицы «Люблю молодца и в татарине». Пожалуй, можно констатировать, что в русской рецепции закрепилось именно фольклорное восприятие татар, а не официально-письменное. Л. Н. Толстой в опре-

деленном смысле также рефлексировал о татарах прежде всего в рамках фольклорной традиции.

В толстовских произведениях для детей, собранных в «Азбуке», этноним «татарин» широко представлен в трех произведениях: «Ермак», «Сухман», «Кавказский пленник».

Ближе всего к русскому фольклору толстовский опыт написания былины «Сухман», жанр которого сам автор определил как «стихисказка». Главный герой былины, богатырь Сухман Одихмантьевич, обещает князю Владимиру Красное Солнышко принести ему живого, без единой раны, белого лебедя. Но, встретив грустную Непру-реку, Сухман узнает от нее о злых татарах с их злокозненными намерениями. И вместо того, чтобы сдержать слово перед князем Владимиром, герой один идет против сорокатысячного войска татар и разбивает его. Борьба против исторического врага – татар – в этой былине оказывается важнее обещания князю, за неисполнение которого Сухман наказывается. Так же, как и в исторических песнях, татары в былинной стилизации Л. Н. Толстого называются «татарове», «татарченки», «татаровья». При этом в трех из десяти случаев использования этнонима «татарин» употребляется эпитет «злые» (во фразе «сорок тысячей злых татаровей» и словосочетании «злы татаровья», которое повторяется два раза). Этноним «татарин» звучит в негативной коннотации не только из уст былинных героев, но и повествователя. Сам факт обращения Л. Н. Толстого к жанру былины с татарами как историческими врагами русских свидетельствует о том, что художник четко осознавал истоки и историю рецепции этнонима «татарин» в русской традиции.

Однако в рассказе «Ермак», имеющем в подзаголовке жанрово-тематическое указание «история», фольклорные особенности рецепции татар почти не представлены. Популярный в исторических песнях по отношению к другим эпитет «вор» / «воровской» используется единожды лишь к властителю татар – «воровской царек Кучум» [Толстой, т. 21, с. 190]. Прямых использований негативных эпитетов применительно к этнониму «татарин» в «Ермаке» нет, хотя сам этноним употребляется 38 раз. В рассказе речь идет о военных столкновениях казаков под предводительством Ермака с татарами. «Ермак» и «Сухман» идут друг за другом во «Второй русской книге для чтения», по-своему подготавливая детского читателя к «Кавказскому пленнику», помещенному в «Четвертой русской книге для чтения» толстовской «Азбуки».

Л. Н. Толстой, прошедший отрочество и юность в Казани, служивший и воевавший на

Кавказе и в Крыму, прекрасно видел разницу между казанскими, кавказскими и крымскими татарами. Он отчетливо понимал, что и в практике русской историографии, и в рецепции русского народа татарами считались восточные мусульманские народы, доставлявшие своей воинственностью много проблем русскому населению. Для позднего Л. Н. Толстого с его концепцией «любить врага» было важно реабилитировать татар в глазах русского читателя.

Первая такая попытка делается в рассказе «Кавказский пленник». Знаменательно, что этноним «татарин» употребляется в этом произведении 81 раз и лишь трижды в негативной коннотации. При этом во всех трех случаях татары негативно воспринимаются в рецепции Жилина, когда ему грозит пленение. В самом начале рассказа, когда Жилина захватывали в плен, в его восприятии татары дважды предстают «вонючими», потому что они, в соответствии со стереотипами русского офицера, «злодеи, нехристи, люди нечистоплотные как в нравственном, так и в физическом отношении» [Жаринов, с. 39–40]. Ближе к концу рассказа, в эпизоде первого побега, Жилин говорит Костылину: «Ну... *пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню*». «Собака» – характерный негативный эпитет низовой культуры, часто применяемый в русских исторических песнях по отношению к «чужим / другим», первоначально именно к татарам. Здесь «собакой» называется татарин, который, может быть, заметил их побег и может организовать погоню, преследование. Наличие в этом же предложении этнонима «татарин» в нейтральной коннотации позволяет допустить предположение, что эпитет «собака» адресован не столько татарину, а сколько вообще к любому человеку, собирающемуся сделать нечто плохое, угрожающее жизни Жилина и Костылина. Поэтому, действительно, вслед за Е. В. Жариновым можно утверждать, что татары вызывали резкое неприятие («вонючие») у Жилина лишь при первой встрече.

Затем же татарский мир и татары вызывают у него острый интерес:

«Видна ему (Жилину. – И. Ю.) из щелки дорога – под гору идет, направо *сакля татарская*, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит – изпод горы идет *татарка молоденькая*, в рубаше цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой, идет в спине подрагивает, перегибается, а за ручку *татарчонка ведет бритого, в одной рубашке*. Прошла *татарка* в саклю с водой, вышел *татарин* вчерашний с красной бородой, в бешмете шелковом,

на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то» [Толстой, т. 21, с. 308] (курсив мой. – И. Ю.).

В этом фрагменте все пять случаев употребления этнонима «татарин» нейтральны, некоторые даже с тенденцией к позитивности, например «татарка молоденькая», «татарчонка в одной рубашке». Более того, быт татар, уклад татарской жизни, их устроенность, автономность и самодостаточность обуславливают несомненную ценность и привлекательность татарского мира, не западной, а именно восточной, мусульманской цивилизации. И далее эта тенденция только нарастает: эпизод первого посещения Жилиным дома хозяина с описанием важной и неспешной процедуры принятия решения татарами; сцена похорон брата «красного татарина» с чуждым ритуалом, но с одинаковым общечеловеческим переживанием горя; очеловечивание образа врага за счет индивидуализации персонажей (Абдула, «красного татарина», Дины, татарского старика, потерявшего восемь сыновей в войне с русскими).

Как пик – нарождающаяся атмосфера радости от общения и познания друг друга. У «другого / чужого» не может быть светлых глаз, не может быть красивого лица, не может быть атмосферы радости в общении «врагов»:

«Сам (Жилин. – И. Ю.) смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин» [Там же, с. 312].

Или же:

«Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин. „Чего она радуется?“ – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, – „хорошо“, говорит. Как возрадуется Дина!

– Хорошо, Иван, хорошо! – и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала» [Там же, с. 213].

Важно, что рассказ «Кавказский пленник» адресовался прежде всего детям. По Л. Н. Толстому, если взрослый человек выстраивает свою линию поведения в зависимости от того, к какому сословию, вере, народу принадлежит тот или иной человек, то детям эти отличия совершенно не важны. Они всегда встречают друг друга с улыбкой. Так, для детей в «Кавказском пленнике» самыми близкими героями являются русский офицер Жилин и татарская девочка Дина.

Таким образом, в «Кавказском пленнике» этноним «татарин», пожалуй, впервые в русской

литературе подвергается попытке реабилитации. Л. Н. Толстой по-своему переворачивает рецепцию татар на противоположную фольклорной традиции. Из 81 случая употребления этнонима «татарин» в «Кавказском пленнике» 78 имеют нейтральную коннотацию и даже порой определенную тенденцию к позитивности. Во всех же случаях повествовательского дискурса этноним «татарин» или нейтрален, или условно позитивен.

Эта тенденция закрепляется и в одном из шедевров Л. Н. Толстого – «Хаджи-Мурате».

Впервые в русской классической литературе главным героем крупного неромантического произведения становится многовековой исторический враг русских на Востоке, мусульманин, «татарин». Принципиальным в повести является отсутствие прямого обозначения этнической принадлежности главного героя. В повести Л. Н. Толстого Хаджи-Мурат представлен под собирательным этнонимом «татарин».

Хотя этническая принадлежность реального Хаджи-Мурата всегда вызывала споры, никто никогда не считал его татарин. Большинство авторов воспоминаний о Хаджи-Мурате, почти все литературоведы XX века склонялись к тому, что он был аварцем. А в повести Л. Н. Толстого Хаджи-Мурат – татарин. Почему?

Толстовская повесть имеет десять черновых редакций. Какова этническая принадлежность Хаджи-Мурата в них?

Важно, что именно в первой редакции Хаджи-Мурат идентифицирован вначале как «татарин», хотя затем уточняется, что он уроженец нагорной Аварии, соответственно, тавлинец. В четвертой редакции Хаджи-Мурат оказывается внуком аварского хана. В пятой редакции отмечается лишь лезгинское происхождение его матери. В восьмой и девятой редакциях Хаджи-Мурат – уроженец бедной аварской семьи, при этом в восьмой редакции он знает и чеченский язык. В десятой редакции Хаджи-Мурат опять аварец, «храбрый аварец».

В каноническом варианте повести конкретная этническая идентификация главного героя отсутствует. При этом этническая принадлежность других персонажей в окружении Хаджи-Мурата, как правило, указывается. Хаджи-Мурат в повести общается исключительно на татарском языке, не считая попытки сказать несколько слов на русском вызывающему у него симпатию Бутлеру. Конечно, язык общения – важнейший маркер этнической идентичности, но не определяющий, тем более известно, что на Кавказе в те времена татарский язык был языком межэтниче-

ского общения. Им пользовались и русские при общении с местными народами.

Л. Н. Толстой принципиально не конкретизировал подлинную этническую принадлежность Хаджи-Мурата. В поэтике Л. Н. Толстого самое указание или же неуказание этнонима является в определенном смысле художественным приемом [Юнусов, 1997, с. 102].

Очевидно, для позднего Л. Н. Толстого, призывавшего «любить врага», важно изобразить Хаджи-Мурата как представителя именно того мира, который на протяжении нескольких веков воплощал главную угрозу для русского человека. Неслучайно, искра замысла, выразившаяся в толстовской помете для себя («Татарин на дороге. Хаджи-Мурат»), развернутая вначале в дневнике в виде яркого и поразительного сравнения репья – «татарина» и Хаджи-Мурата – «татарина» и реализованная затем в повести, будет основой всех черновых редакций и канонического варианта.

В «Хаджи-Мурате» писатель нашел уникальное художественное решение. В поэтике повести этноним «татарин» приобретает конвенциональную природу и наполняется необходимым в парадигме позднего Л. Н. Толстого типологическим и историко-экспрессивным содержанием.

В повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» присутствует излюбленный мотив художника – антитеза цивилизации и природы. Здесь это выражено в форме столкновения людей, убежденных в превосходстве цивилизации и в своем праве навязывать ее другим, с людьми, считающими священным сохранить свой, пусть и дикий на чей-то взгляд, образ жизни. Симпатии Л. Н. Толстого всегда были на стороне последних.

В рамках этой антитезы татары, представленные в образах официантов и кучеров в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (произведении, во многом выражающем духовный «перелом» писателя), оказываются в числе тех, кто соблазнился ложными ценностями цивилизации:

«Облонский снял пальто и в шляпе набекрень прошел в столовую, отдавая приказания липнувшим к нему татарам во фраках и с салфетками».

В соотнесении с фольклорной традицией самая фраза «*татары во фраке*» звучит как оксюморон. Еще ярче это выражается, когда официант начинает говорить по-французски:

«каша а ла рюсс, прикажете – сказал татарин, как няня над ребенком, нагибаясь над Левиным» [Толстой, т. 18, с. 37].

Далее:

«... Суп прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрюи...» [Там же, с. 38].

Несколько раз использованный эпитет «липнувшие» однозначно указывает на негативную рецепцию татар, утративших свою пассионарность. Дальнейшее описание дополняет это впечатление:

«И татарин с развевающимися фалдами над широким тазом побежал и через пять минут влетел с блюдом открытых на перламутровых раковинах устриц и с бутылкой между пальцами» [Там же, с. 39].

Утративший «брутальность» татарин «с широким тазом», деактуализирующий свою веру мусульманин, услужливо «летающий» ради исполнения прихотей цивилизованных бар «с бутылкой между пальцами», в толстовской парадигме может вызывать только сожаление. Особенно рельефно это подчеркивается в соотношении с состоянием души Левина:

«эта обстановка бронз, зеркал, газа, татар – все это было ему оскорбительно. Он боялся запачкать то, что переполняло его душу» [Там же, с. 39].

Здесь татары оказываются в одном ряду блестящих и ложных символов цивилизации.

В этом эпизоде дважды подчеркивается, что Стиву Облонского несколько раздражал французский язык в устах татарина:

«Но Степан Аркадьевич, видно, не хотел ему (татарину-официанту. – И. Ю.) доставлять удовольствие называть по-французски кушанья» [Там же, с. 38].

Возможно, Облонский неосознанно чувствовал в этом определенную карикатурность ситуации: азиат, говорящий по-французски, пусть только и названия блюд, по-своему дискредитировал русского дворянина, подчеркивающего свою принадлежность к Европе французской речью. Размышляющая в парадигме посткультурных исследований М. Тлостанова, рассуждая о феномене реакции русской интеллигенции на книгу Олжаса Сулейменова «Аз и я», пишет следующее: «В определенной мере это связано, как мне кажется, со скрытыми комплексами неполноценности, которые всегда присутствовали в российской культуре как культуре вторичной интеллектуально колонизированной империи, карикатурно копировавшей западные образцы с тем, чтобы затем принять на себя роль цивилизатора собственных южных и восточных „окраин“ и создать собственный метарассказ... Отсюда и стремление из „татарина, переодетого во фран-

цузское платье“, стать, наконец, европейцем, из „приживальщика и раба – господином“ и, как следствие, преувеличение связей с Европой и стирание порочащих связей с Азией» [Тлостанова]. Очевидно, отмеченное исследовательницей удивительно перекликается и с реакцией Облонского на употребление французского языка татаринном во фраке. В определенном смысле Л. Н. Толстым здесь зафиксирован феномен мимикрии в контексте теории посткультурных исследований.

Как видно, в поэтике этнонима «татарин» в «Анне Карениной» актуализируются, с одной стороны, вызывающий сожаление в толстовской парадигме отход восточного народа от своих исконных национально-религиозных ценностей во имя ложных приоритетов европейской цивилизации, а с другой – некая карикатурность и пародийность этой ситуации, своеобразно проецирующаяся и на «русских европейцев».

Появляется фигура татарина еще в одном важном произведении Л. Н. Толстого – в рассказе «После бала». Знаменательно, что писатель тут обратился к событию, которое произошло в Казани более полувека назад. Очевидно, этот сюжет идеально подходил для позднего Л. Н. Толстого, который видел в институте государства зло, противоречащее всем религиям: «Турок, русский, француз, японец, прежде чем подчиняться своему правительству, подчинен Богу, и обязанности их одни и те же, заключаются в едином законе – поступать с ближним, как желаешь, чтобы поступали с тобой. И это без различия расы, религии, касты и национальности» [Толстой, т. 76, с. 98]. Эта проблема и является ключевой в рассказе «После бала». Еще в 1886 году в одной из статей Л. Н. Толстой, размышляя об исполнителях узаконенного государственного насилия, писал: «Что было в душе тех полковых и ротных командиров: я знал одного такого, который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы на завтра рано утром распорядиться прогонянием на смерть сквозь строй бежавшего солдата татарина, засекал этого солдата до смерти и возвращался обедать в семью» [Толстой, т. 26, с. 559].

Современная исследовательница в статье «Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья» подчеркивает, что национальная принадлежность наказуемого в рассказе «После бала» не имеет значения, потому что «это мог быть и русский, и человек какой-либо другой народности» [Сарбаш]. Вряд ли это так. Во-первых, известно, что со второй половины XIX века и в

первые два десятилетия XX века достаточно активно выражало себя движение татарских мусульман-ваисовцев, отказывавшихся служить в армии. Очевидно, Л. Н. Толстой интересовался этим движением, а в 1909 году даже встретился с их лидером Гайнаном Ваисовым [Бекметов, 2016], [Гордеева]. Во-вторых, в контексте мировоззрения позднего Л. Н. Толстого важно, что наказуемым является человек иного этноса, веры, культуры, вынужденный служить в армии Российской империи, подчиняться всем ее законам вопреки своим убеждениям и интересам. И по-своему логично в контексте «Сухмана», «Кавказского пленника» и «Хаджи-Мурата», что этим беглым солдатом оказывается многовековой антипод русского человека – татарин, уже давно утерявший свое доминирующее положение и силу. И то, что в реальности этим наказуемым солдатом был татарин, только подчеркивает обоснованность, верность и силу художественного эффекта толстовского решения. Наказываемый татарин являет собой тип ярко выраженного субалтерна, не имеющего своего голоса. Единственное, что он может сказать, точнее, всхлипнуть, это фраза *«Братцы, помилосердуйте!»* [Толстой, т. 34, с. 123].

Этноним «татарин» в рассказе используется четырежды, пять раз этот персонаж назван «наказуемым» и дважды «человеком». Показательно, что ни разу он не назван ни «военным», ни «солдатом», ни «дезертиром», то есть в данном случае актуализировались его принадлежность к человеческому роду, национальность и статус жертвы государственного насилия. И «человек», и «татарин», и «наказуемый» являются лексемами мужского рода. Но в описании наказания этот персонаж дважды отмечается как лицо среднего рода. В начале:

«... что-то страшное, приближающееся ко мне».

И в конце описания:

«Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека» [Толстой, т. 34, с. 123].

Жертва государственного насилия теряет человеческое лицо, половую определенность. Знаменательно, что жесточайшая сцена наказания государственной машиной беглого татарина завершается одной эмоциональной фразой кузнеца, выводящей все происходящее на другое, божественное, измерение: *«О, Господи!»* Ясно, что за репликой кузнеца, по позднему Л. Н. Толстому, стоит резко отличающаяся от противоречащих христианству законов государства позиция про-

стого русского народа, который несет веру в своей душе.

Этноним «татарин» в поэтике рассказа «После бала» позволяет актуализировать острейшие проблемы, волновавшие позднего Л. Н. Толстого: противоречие самой природы государства христианству, развращение людей государством, приучающим их к узаконенному насилию.

Подведем итоги.

Русская низовая культура в фольклоре и официальная, письменная культура в рамках древнерусской литературы сформировали две различные формы рецепции татар. Л. Н. Толстой в своей рефлексии о татарах исходил из фольклорной традиции, что обусловило появление не только былины «Сухман», истории «Ермак», но и таких произведений, как «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат». В «Кавказском пленнике» этноним «татарин», пожалуй, впервые в русской классической литературе подвергается осознанной попытке реабилитации. В «Хаджи-Мурате» впервые «татарин» становится главным героем крупного реалистического произведения. При этом в данной повести этноним «татарин», помимо продолжения процесса его реабилитации, приобретает конвенциональную природу и наполняется необходимым в парадигме позднего Л. Н. Толстого типологическим и историко-экспрессивным содержанием. В поэтике «Анны Карениной» татары оказываются в одном ряду символов, выражающих ложные ценности цивилизации, а также являющих собой своеобразную карикатуру на «русских европейцев». В рассказе «После бала» именно фигура татарина-субалтерна позволяет острее актуализировать важнейший для позднего Л. Н. Толстого круг идей, связанный с правом государства на насилие и его влиянием на исполнителей и жертв.

В целом образы татар оказываются востребованными только в творчестве позднего Л. Н. Толстого, что обусловлено как их особой ролью в истории и в картине мира русского народа, так и характером духовно-нравственных исканий самого писателя. Этноним «татарин» используется в произведениях Л. Н. Толстого около 140 раз. Очевидно, в парадигме Л. Н. Толстого без использования этнонима «татарин» невозможна художественная рефлексия как о русском мире, так и о ключевых духовно-нравственных и философско-политических вопросах современности в глобальном масштабе.

#### Список литературы

Бекметов Р. Ф. Лев Толстой и татарские писатели начала XX века: об отношении к мировой культуре и

принципах литературного перевода (из опыта сопоставления дискурсивной практики) // Материалы XI Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 6–7 сентября 2016 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. С. 71–79.

Бекметов Р. Ф. Суфизм в духовной биографии Л. Н. Толстого: татарский контекст // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 112–117.

Гордеева И. А. Мубаракша Гадельшин: отказ мусульманина-ваисовца от военной службы // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 103–115.

Демин А. С. Языцы: неславянские народы в русской литературе XI–XVIII веков // Древнерусская литература: изображение общества. М.: Наука, 1991. С. 190–205.

Жаринов Е. В. Особенности психологизма позднего Л. Н. Толстого (от кавказских повестей к «Хаджи-Мурату»): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. 178 с.

Казанская история / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954. 195 с.

Накашидзе Н. Несколько лет вблизи Льва Толстого. Тбилиси: Мерани, 1978. 95 с.

Пословицы // Образ татар в русской литературе. URL: <https://tatar-rulit.livejournal.com/tag/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0> (дата обращения: 10.03.2021).

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

Сарбаш Л. Н. Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья // Вестник Чувашиского университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 204–211.

Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991. 196 с.

Тлостанова М. «Главной его мишенью был европоцентризм» // The Moscow Review of Books / Московский книжный журнал. 31.08.2012. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (дата обращения: 24.03.2021).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

Юнусов И. Ш. Постигание «чужого» в творчестве Л. Н. Толстого. М.; Бирск: Изд-во БирГПИ, 2002. 71 с.

Юнусов И. Ш. Проблема национального характера в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1860-х годов. М.; Бирск: Изд-во БирГПИ, 1997. 184 с.

Materialy XI Mezhdunarodnogo seminar perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", 6–7 sentiabria 2016 goda). Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", pp. 71–79. (In Russian)

Bekmetov, R. F. (2016). *Sufizm v dukhovnoi biografii L. N. Tolstogo: tatarskii kontekst* [Sufism in the Spiritual Biography of Leo Tolstoy: Tatar Context]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (46), pp. 112–117. (In Russian)

Demin, A. S. (1991). *Iazytsi: neslavianskie narody v russkoi literature XIX–VIII vekov* [Yazytsi: Non-Slavic Peoples in Russian Literature of the 11<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> Centuries]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva*. Pp. 190–205. Moscow, Nauka. (In Russian)

Gordeeva, I. A. (2011). *Mubaraksha Gadel'shin: otkaz musul'manina-vaisovtsa ot voennoi sluzhby* [Mubaraksha Gadel'shin: Refusal of a Wais Muslim to Perform Military Service]. *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 3 (29), pp. 103–115. (In Russian)

Iunusov, I. Sh. (2002). *Postizhenie "chuzhogo" v tvorchestve L. N. Tolstogo* [Comprehension of the "foe" in the Works of Leo Tolstoy]. 71 p. Moscow, Birk, BirGPI. (In Russian)

Iunusov, I. Sh. (1997). *Problema natsional'nogo kharaktera v tvorchestve L. N. Tolstogo 1850–1860-kh godov* [The Problem of National Character in the Works by Leo Tolstoy in the 1850s and 1860s]. 184 p. Moscow, Birk, BirGPI. (In Russian)

Kazanskaia istoriia (1954) [Kazan History]. Podgot. teksta, vstup. st. i primech. G. N. Moiseevoi. 195 p. Moscow, Leningrad, izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)

Nakashidze, N. (1978). *Neskol'ko let vblizi L'va Tolstogo*. [A Few Years near Leo Tolstoy]. 95 p. Tbilisi, Merani. (In Russian)

Poslovitsy. *Obraz Tatar v Russkoi Literature* [Proverbs. The Image of the Tatars in Russian Literature]. URL: <https://tatar-rulit.livejournal.com/tag/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0> (accessed: 10.03.2021). (In Russian)

Putilov, B. N. (1960). *Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVIII vekov* [Russian Historical and Song Folklore of the 13<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> Centuries]. 300 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)

Sarbash, L. N. (2013). *Inonatsional'noe v tvorchestve L. N. Tolstogo: nekotorye aspekty tvorcheskoi retseptsii Povolzh'ia* [Non-national in the Works of Leo Tolstoy: Some Aspects of the Volga Region Creative Reception]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 204–211. (In Russian)

Smirnov, I. P. (1991). *O drevnerusskoi kul'ture, russkoi natsional'noi spetsifike i logike istorii* [About the Ancient Russian Culture, Russian National Specifics and the Logic of History]. Wien. 196 p. (In Russian)

Tlostanova, M. (2012). *"Glavnoi ego mishen'iu byl evropotsentrizm"* ["His Main Target Was Eurocentrism"]. *The Moscow Review of Books. Moskovskii knizhnyi zhurnal*. 31.08.2012. // URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (accessed: 24.03.2021). (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works

## References

Bekmetov, R. F. (2017). *Lev Tolstoi i tatarskie pisateli nachala XX veka: ob otnoshenii k mirovoi kul'ture i printsipakh literaturnogo perevoda (iz opyta sopostavleniia diskursivnoi praktiki)* [Leo Tolstoy and Tatar Writers of the Early 20<sup>th</sup> Century: On the Attitude to World Culture and the Principles of Literary Translation (from the experience of comparing discursive practices)].

in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Zharinov, E. V. (1985). *Osobennosti psikhologizma pozdnego L. N. Tolstogo (ot kavkazskikh povestei k "Khadzhi-Muratu")*: diss. na soisk. uch. step. kand. filol.

*nauk* [Features of Psychologism in Leo Tolstoy's Late Works (from the Caucasian Novels to "Hadji Murad")]: Ph. D. Thesis]. 178 p. Moscow, MGPI imeni V. I. Lenina. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

**Юнусов Ильдар Шайхенурович,**

доктор филологических наук,

профессор,

Бирский филиал Башкирского  
государственного университета,

452450, Россия, Бирск,

Интернациональная, 10.

ildar\_yun@rambler.ru

**Yunusov Ildar Shaikhenurovich,**

Doctor of Philology,

Professor,

Birsk branch of Bashkir State University,

10 Internatsionalnaya Str.,

Birsk, 452450, Russian Federation.

ildar\_yun@rambler.ru